

ББК 63.3(2)524

*Печатается по решению
кафедры русской истории (XIX – XXI вв.)
РГПУ им. А.И. Герцена*

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Рецензенты: Мусаев Вадим Ибрагимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПбИИ РАН; Руднева Светлана Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Российского университета транспорта (МИИТ).

Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – СПб.: Астерион, 2024. – 236 с.

ISBN 978-5-00188-558-0

В сборник включены материалы всероссийской научной конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», проведенной 22 и 25 ноября 2023 г. кафедрой русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена в смешанном формате. Издание рассчитано на историков-специалистов и всех интересующихся историей революции 1917 года в России.

ББК 63.3(2)524

- © А.Б. Николаев, идея, отв. ред. и отв. сост., 2024.
- © Д.А. Бажанов, редактирование, 2024.
- © А.А. Иванов, редактирование, 2024.
- © Авторы статей, 2024.
- © А.А. Иванов, оформление обложки, 2024.
- © Кафедра русской истории (XIX – XXI вв.) РГПУ им. А.И. Герцена, 2024.

ISBN 978-5-00188-558-0

этом откровенных формулировок. Однако после 1991 г. этот результат развития мировой историографии Русской революции был пересмотрен под воздействием изменившихся идеологических доминант. Анализ причин, характера и реальных результатов этого пересмотра еще раз показывает необходимость внимательного отношения к советской историографии Русской революции, основные положения которой сохраняют свою актуальность.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ИСТОЧНИКИ

«Я ВИДЕЛ ВО СНЕ, ЧТО СОЛДАТЫ... ПОДНИМАЮТ НА ШТЫКИ ...МОИХ ОФИЦЕРОВ». ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛА П.С. МАХРОВА О СОБЫТИЯХ АВГУСТА – СЕНТЯБРЯ 1917 Г. В 12-Й АРМИИ СЕВЕРНОГО ФРОНТА

ГАНИН АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, Москва, Россия;
e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Имя генерал-лейтенанта Петра Семеновича Махрова (01.09.1876 – 29.02.1964) известно читателям, интересующимся отечественной историей революционного периода. Это связано не только с той значимой ролью, которую играл этот исторический деятель в Гражданскую войну (в частности, он занимал посты начальника штаба Вооруженных сил на Юге России, а также военного представителя главнокомандующего в Польше), но и с весьма ценным мемуарным наследием генерала, которое постепенно вводится в научный оборот.

Ниже впервые публикуется отрывок из воспоминаний П.С. Махрова о событиях августа – сентября 1917 г. в 12-й армии Северного фронта. Общее название воспоминаний, из которых взят этот фрагмент: «Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Записки командира 13[-го] Сиб[ирского] стр[елкового] полка и начальника штаба Юго-Западного фронта». К настоящему времени нами введена в научный оборот значительная часть этой работы¹.

¹ Ганин А.В. «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову // Родина. 2018. № 12. С. 116 – 119; Конец Юго-Западного фронта. Воспоминания генерал-лейтенанта П.С. Махрова о событиях на Украине в 1917 – 1918 гг. / публ. А.В. Ганина // Исторический архив. 2019.

Публикуемый фрагмент начинается событиями под Ригой, когда Махров в чине полковника занимал должность командира 13-го Сибирского стрелкового полка. Полк Махрова в 1917 г. оборонял митавское шоссе. 21 августа русские войска оставили Ригу, причем полк Махрова проявил себя в боях под городом с лучшей стороны. Через несколько дней мемуарист получил назначение начальником этапно-хозяйственного отдела штаба 12-й армии, но пробыл в этой должности недолго. В связи с неудачей выступления генерала Л.Г. Корнилова против Временного правительства в августе 1917 г. начались кадровые перестановки на высших военно-административных должностях. Освободился ряд постов в штабе Юго-Западного фронта. Именно туда был назначен Махров, ставший генерал-квартирмейстером штаба фронта, той же осенью Петра Семеновича произвели в генерал-майоры.

Картины боев и отступления русских войск в районе Риги в августе 1917 г., благодаря воспоминаниям, выглядят особенно живо. Мемуарист описывал свой скромный фронтовой быт, свидетельствовал о товарищеских взаимоотношениях в полку, правда, однажды омраченных кражей обозными солдатами личных вещей командира полка. Трагично упоминание Петром Семеновичем о последней встрече со своим младшим братом Николаем Семеновичем, произошедшей в те дни. В дальнейшем двух братьев-генштабистов разделила Гражданская война: Петр Махров оказался на гетманской Украине, а затем на Белом Юге и в эмиграции, а Николай Махров пошел служить в Красную армию. Он умер в Москве в 1936 г., а Петр Махров – в 1964 г. в Каннах. После 1917 г. братья так и не встретились.

Особенно удавались мемуаристу портретные характеристики участников событий. Среди них генералы А.А. Балтийский и Л.Г. Корнилов, комиссар Временного правительства В.С. Войтинский и другие.

№ 6 С. 143–163; его же. П.С. Махров. Гражданская война на Украине // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1 – 2. С. 108 – 137; его же. При немцах и гетмане: Украина 1918 г. глазами генерала П.С. Махрова // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 2 (21). С. 160 – 205; его же. На гетманской Украине летом – осенью 1918 г.: из воспоминаний генерала П.С. Махрова // Славянский альманах. 2021. Вып. 1 – 2. С. 477 – 507; его же. «Фронт представлял из себя взбаламученное море солдатской массы...» Воспоминания генерала П.С. Махрова о Юго-Западном фронте в сентябре – декабре 1917 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2 (29). С. 142 – 232; его же. «Будет же конец и этой проклятой обстановке...» Воспоминания генерала П.С. Махрова о Февральской революции на Северном фронте // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2023. С. 174 – 189. См. также общий обзор: Ганин А.В. События 1917 – 1919 гг. на Украине в освещении генерала П.С. Махрова // Славянский альманах. 2018. Вып. 1 – 2. С. 144 – 156.

Хотя мемуарист не имел отношения к выступлению генерала Л.Г. Корнилова, он все же посчитал необходимым охарактеризовать Корнилова – ключевую фигуру российского военно-политического Олимпа тех месяцев. Мемуарист основывался, в том числе на свидетельствах сослуживцев. Корнилова как лидера Махров оценивал очень высоко, а его оппонента, главу Временного правительства А.Ф. Керенского, наоборот, беспощадно критиковал. Такое восприятие было распространено среди кадровых офицеров-генштабистов. Неприязнь к революционной власти распространялась и на местных правительственных представителей. В частности, комиссара Войтинского Махров считал некомпетентным и высокомерным.

Большой интерес, несмотря на ошибки памяти (а мемуары Махров писал в эмиграции уже на склоне лет, хотя и пользовался некоторыми документами), представляет характеристика предшественника Махрова на посту начальника этапно-хозяйственного отдела штаба 12-й армии генерала А.А. Балтийского – в будущем видного военного специалиста Красной армии. По мнению Махрова, Балтийский был монархистом и с неприязнью относился к Временному правительству. Во время встречи Махрова с Балтийским к последнему приехали знакомые флотские офицеры, поделившись неутешительными новостями о революции на Балтике и о преследовании офицеров матросами, прежде всего, на больших кораблях. Мемуарист отмечал близость Балтийского к брату – Н.С. Махрову, также ставшему военспецом. Интендантом 12-й армии служил полковник А.Н. Светозаров, женатый на сестре мемуариста Надежде Семеновне. Он тоже вскоре пополнял ряды РККА. Такого рода свидетельства важны для понимания неформальных взаимоотношений старших офицеров той эпохи.

Махрову не было свойственно высокомерие. Наоборот, он с уважением относился к своим фронтовым товарищам, даже в небольших чинах, которые несли на себе основную тяжесть боевой страды. Одним из них был начальник полковой пулеметной команды штабс-капитан Я.З. Забудский (Забуцкий). Махров кратко сообщил, что это был замечательный и хладнокровный командир. Обращение к документам подтверждает это свидетельство. Забудский выслужил офицерские погоны за боевые отличия на фронте. До того, будучи нижним чином, был награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней. Характерны и его подвиги – в сентябре 1914 г. вызвался пробраться за линию фронта, что и выполнил, собрав точные сведения о расположении противника; в октябре 1914 г. двое суток со взводом конных разведчиков пробыл в окружении в тылу противника, беспокоя его ночными действиями; тогда же доставил важные сведения о противнике и умелыми действиями сорвал наступление, дав возможность отойти своим ротам; в феврале 1915 г., руководя пулеметным огнем, способствовал захвату окопов противника. Из прапорщиков он смог дослужиться

до штабс-капитана и за подвиг в бою 2 сентября 1917 г., когда под сильнейшим обстрелом руководил работой пулеметов и подавил пулеметы противника, был награжден Георгиевским крестом с серебряной лавровой ветвью для офицеров. Также был награжден орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом.

По признанию мемуариста, осенью 1917 г. у него развилась неврастения. Причины заболевания Петр Семенович связывал с переходом от службы на фронте с постоянной опасностью для жизни к спокойной штабной работе, но, вероятно, дело заключалось в революционных событиях и эксцессах, ведь Махрову даже снились кошмары с расправами солдат над офицерами.

Воспоминания публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. В тех случаях, когда вычеркнутый текст имеет самостоятельное значение, он восстановлен в примечаниях. Явные ошибки исправлены без оговорок. В комментариях все даты по истории России до февраля 1918 г. указаны по старому стилю. Нарращения после дат не воспроизводятся. Название дано публикатором.

П.С. Махров

Генерал Корнилов и Керенский

Когда в августе 1917 года в Риге протекали вышеописанные мелочи жизни, в России происходили грандиозные события.

1 августа Керенский¹ собрал в Москве Государственное совещание², на котором ген. Корнилов³ был встречен с энтузиазмом и полным доверием со стороны всех политических партий. Несмотря на предшествующие неудачи на Юго-Западном фронте⁴, став Верховным главнокомандующим, ген. Корнилов продолжал пользоваться большим авторитетом. Этот авторитет он приобрел еще в 1915 году на полях сражений и на Карпатах в Галиции.

¹ Керенский Александр Федорович (22.04.1881 – 11.06.1970) – министр-председатель Временного правительства.

² Махров неточен в датировке. Речь идет о Государственном совещании – политическом форуме, проходившем в Москве 12 – 15.08.1917 г. по инициативе Временного правительства в целях консолидации его сторонников.

³ Корнилов Лавр Георгиевич (18.08.1870 – 31.03 (13.04).1918) – генерал от инфантерии. Верховный главнокомандующий (с 18.07.1917).

⁴ Генерал Л.Г. Корнилов до назначения Верховным главнокомандующим несколько дней пробыл главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта (10 – 18.07.1917), а до того командовал 8-й армией Юго-Западного фронта (с 29.04.1917). Речь идет о неудаче июньского наступления 1917 г. на Юго-Западном фронте, в ходе которого 8-я армия Корнилова добилась наибольших успехов.

Говорят «война рождает героев». Таковых она нам подарила двух: Корнилова и Деникина¹. Если Деникин выявил талант стратега и доблесть солдата, то Корнилов был воин по природе. Он был сын казака Сибирского казачьего войска. Он же обладал большим военным образованием и страшной силой воли.

Корнилов обратил на себя внимание, командуя 48[-й] дивизией². Не было ни одной задачи, которую он бы не выполнил, хотя все они были чрезвычайно трудными. Солдаты его называли «кровавый генерал», по[тому] что он не щадил людей и не щадил самого себя. Его штаб всегда располагался не дальше линии полковых штабов, а во время боев он всегда был в цепях вместе с солдатами, где его присутствие было необходимо. Старший адъютант его штаба Генерального штаба капитан Левицкий³ мне говорил, что не раз во время обеда в тарелки попадали австрийские пули и, что во время боев генерал Корнилов, бросая штаб, уходил в первую линию. Он этим создавал очень большую работу для штаба, который должен был постоянно налаживать связь со своим начальником дивизии. Самый вид Корнилова производил на солдат и офицеров впечатление человека волевого и бесстрашного, которому нельзя не повиноваться. Он был выше среднего роста, сухой, худощавый со скулистым лицом монгола, поросшим жиденькой темно-рыжей бородкой с маленькими умными глазами, строгими и зоркими, как у ястреба, Ему было под 60 лет⁴, но он был подвижен и неутомим, как молодой офицер-казак. Его лицо было темноватого цвета, сильно обветренное и загорелое, всегда серьезное и не знавшее улыбки. Одевался он не лучше солдата, и его шинель можно было видеть, прожженную местами от искр огня, когда зимой он грелся вместе с солдатами у костра.

Его авторитет особенно стал силен, а имя известным летом 1915 года, когда его дивизия, будучи в арьергарде, должна была прикрывать отступление войск 8-й армии Брусилова⁵ от Карпат за линию р. Сана в Галиции. Здесь он совершил подвиг, который произвел сильное впечатление на всем фронте наших армий.

¹ Деникин Антон Иванович (04.12.1872 – 07.08.1947) – генерал-лейтенант.

² Л.Г. Корнилов командовал 48-й пехотной дивизией (сначала временно, а затем на постоянной основе) в период 19.08.1914 – 16.02.1915.

³ В воспоминаниях П.С. Махрова присутствует путаница относительно личности Левицкого. Так, сослуживцем Махрова по Виленскому военному училищу был генерал-майор Вячеслав Иванович Левитский (Левицкий). Начальником военного кабинета А.Ф. Керенского в 1917 г. был генерал-майор Борис Антонович Левицкий. Обоих офицеров Махров считал служившими старшими адъютантами 48-й пехотной дивизии при генерале Л.Г. Корнилове, однако ни один из них эту должность не занимал.

⁴ На самом деле Корнилову в 1915 г. было 44 – 45 лет.

⁵ Брусилев Алексей Алексеевич (19.08.1853 – 17.03.1926) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант, командующий 8-й армией (19.07.1914 – 17.03.1916).

8-й армии нужно было 24 часа, чтобы оторваться от преследования ее [со стороны] австро-германцев. Корнилов вел бой со своей 48[-й] дивизией у Кросно в течение целого дня, то переходя в атаку, то активно обороняясь¹. Я в это время был начальником оперативного отделения штаба восьмой армии и держал связь с начальником штаба 48[-й] дивизии Генерального штаба полковником Кисловым², отличавшимся храбростью, мужеством и хладнокровием. К вечеру донесения о ходе боя стали поступать все реже и реже. Последнее было: «Снаряды расстреляны, потери ужасны». Донесения смолкли, а австрийский штаб извещал свое начальство: «Корнилов³ окружен и взят в плен».

Это был классический пример арьергардного боя, когда начальник должен был пожертвовать всем, чтобы спасти живую силу армии. Эта жертва и честь принадлежат генералу Корнилову.

В 1916 году Корнилов бежал из плена⁴. Этот легендарный поступок создал ему славу. Полковнику Кислову австрийцы ампутировали ногу выше колена, т.к. рана была очень опасная. После войны он возвратился уже в армию генерала Деникина⁵. Итак, авторитет генерала Корнилова на Московском совещании был сильным и вполне заслуженным.

Генерал Корнилов решил восстановить порядок в Петрограде и дисциплину в армии. 8 августа он приказал сосредоточить в районе Ново-Сокольники, Невель, Великие Луки 3-й конный корпус и 1-ю Туземную кавалерийскую дивизию, чтобы их направить в столицу. Керенский этому сочувствовал, что и выразил чрез своего помощника Савинков[а]⁶, 18 августа специально присланного в Ставку, в Могилев к ген. Корнилову⁷. Одновременно с этим мероприятием ген. Корнилов в своем приказе объявил

¹ Далее зачеркнуто: Ряды его таяли.

² Правильно – подполковник. Кислов Александр Ильич (18.10.1875 – 23.08.1937) – подполковник (впоследствии – генерал-майор). И.д. начальника штаба 48-й пехотной дивизии (19.01 – 14.06.1915). Попал в плен вместе с генералом Л.Г. Корниловым. Вернулся из плена в 1917 г.

³ Далее зачеркнуто: со своей дивизией и раненым начальником штаба.

⁴ Корнилов бежал из лагеря Лек в Венгрии в июле 1916 г., а 4 сентября через Румынию прибыл в Петроград.

⁵ Речь идет о Добровольческой армии и Вооруженных силах на Юге России. А.И. Кислов служил там с 1918 г. по апрель 1920 г.

⁶ Савинков Борис Викторович (19.01.1879 – 07.05.1925) – революционер, один из лидеров партии эсеров, управляющий делами Военного и Морского министерства и товарищ военного министра, участник переговоров с генералом Л.Г. Корниловым.

⁷ Махров неточен. Б.В. Савинков прибыл в Ставку Верховного главнокомандующего в Могилеве 23.08.1917 г. и на следующий день уехал в Петроград (Дело генерала Л.Г. Корнилова. Сб. док. и мат. М., 2003. Т. 2. С. 303 – 304, 560 – 561).

восстановление смертной казни за нарушение дисциплины¹. Последнее произвело магическое действие на солдат. Их нельзя было узнать, так они подтянулись и изменились к лучшему.

Командование 3-м кав[алерийским] корпусом было возложено генералом Корниловым на очень энергичного и большого ума генерала Крымова², выдвинувшегося своими подвигами еще в войну 1904 – 1905 года. Ему было приказано вступить в Петроград и не позднее 30 августа занять его, и установить в столице порядок, который был нарушен самим Керенским.

Надо заметить, что Керенский, которого так остроумно назвал профессор Н.В. Краинский³ «клоуном русской революции»⁴ к этому времени разогнал царских жандармов и полицию⁵.

Их место заменили⁶ желторотые энтузиасты из студентов и мальчишек, недавно игравших на задворках Петрограда «в разбойников и городских». Для «свободной России» Керенского слова полиция и жандармы – были одиозны. Их он заменил не отвечающим своему назначению названием «милиция». Новые блюстители порядка оказались столь [же] полезными для дела, как и новый глава правительства для управления Россией. Опытные добросовестные царские жандармы и городовые были Керенским мобилизованы и отправлены на фронт.

Керенский лишил сам себя силы, на которую он мог опереться в столице, чтобы поддерживать порядок.

Кроме того, лавры Корнилова не давали ему покоя. И этот жалкий и глупый честолюбец с подпольной крысой социал-революционером Савинковым испугались, что вдруг Корнилов, овладев Петроградом, объявит себя диктатором. Керенский решил предупредить своего соперника.

¹ Смертная казнь была отменена постановлением Временного правительства от 12.03.1917 г. и восстановлена аналогичным постановлением 12.07.1917 г. для военнослужащих на время войны, для чего создавались военно-революционные суды. Одним из инициаторов восстановления смертной казни был генерал Л.Г. Корнилов.

² Крымов Александр Михайлович (23.10.1871 – 31.08.1917) – генерал-лейтенант, командир III кавалерийского корпуса. Участник выступления генерала Л.Г. Корнилова. Покончил с собой.

³ Краинский Николай Васильевич (01.05.1869 – 19.07.1951) – российский, украинский и советский психиатр. Наряду с трудами по психиатрии занимался написанием публицистических работ.

⁴ См. проф. Н.В. Краинский «Фильм русской революции в психологической обработке». Белград (примеч. П.С. Махрова). Книга была издана в 1920-е – 1930-е гг. См. современное переиздание: Краинский Н. Психофильм русской революции. М., 2016.

⁵ Департамент полиции был ликвидирован в числе первых мероприятий Временного правительства. Отдельный корпус жандармов был расформирован в апреле 1917 г., тогда же для охраны правопорядка была создана милиция.

⁶ Так в тексте.

Он выпустил воззвание «всем, всем, всем», назвав Корнилова мятежником и изменником, приказав его арестовать и отправить в Быховскую тюрьму¹.

Этой смутой воспользовались умные и энергичные большевистские лидеры. Они сделали все, чтобы не допустить прибытия 3-го конного корпуса Крымова в Петербург².

Железнодорожники тормозили перевозку этих войск, делегаты совета солдатских и рабочих депутатов вели разлагающую пропаганду среди солдат, погруженных в вагоны, а в Петрограде рабочие-большевики спешно формировали «красногвардейские» роты и батальоны.

Керенский вызвал к себе в Петроград ген. Крымова, еще до ареста Корнилова. Крымов немедленно приехал в столицу, где в тот же день и застрелился.

Покончил ли он с собой, узнав об аресте ген. Корнилова или он был убит Савинковым, как об этом ходили слухи среди офицеров, мне неизвестно. Но зная подлость и беспринципность социал-революционеров вообще и лично зная Савинкова, последнее, я считаю, вполне возможно.

Так Керенский стал диктатором. Клоун русской революции 16 августа взшел на подмостки Ставки, чтобы сыграть роль Верховного главнокомандующего³.

В Риге пред началом военных действий

На фоне этих политических событий одновременно произошли и события чисто военного порядка.

После усмирения латышей в Риге мой полк оказался свободным и числился в резерве командующего 12-й армии. Предо мной стоял опять вопрос, чем и как занять моих стрелков, чтобы у них не было праздного времени. Безделие, по моему опыту, всегда влекло за собой ослабление воинской дисциплины.

Я предложил коменданту города нести караульную службу с расчетом, чтобы мои стрелки были заняты возможно больше.

Он с удовольствием на это согласился. После того для отдыха от караульной службы я решил производить раздачу георгиевских крестов и медалей, которых мне было прислано несколько мешков. Это были награды за прошлое время, еще не розданные.

¹ Идея отправки руководителей корниловского движения под арест в город Быхов возле Ставки в Могилеве возникла явно позже.

² Правильно – Петроград.

³ А.Ф. Керенский принял на себя пост Верховного главнокомандующего после отстранения генерала Л.Г. Корнилова.

Развод караулов я производил в эффективной форме с музыкой на людной площади в центре города. Для поддержания же бдительности караулов, кроме дежурных по караулам и разъездов, я сам их объезжал то днем, то ночью.

Раздача наград происходила на соборной площади, куда выводились все солдаты, свободные от службы. Выносилось знамя, стоял хор музыки. Я вызывал к знамени по списку человек 15 – 20, подлежащих награждению и пред выстроенным полком читал за какой подвиг, кто и чем награжден. Новому кавалеру прикалывал георгиевский крест или медаль к груди. Затем весь полк проходил пред ними под музыку церемониальным маршем.

Все это было красочно, било по нервам. Толпы местных жителей и бездельных солдат рижского гарнизона собирались смотреть на зрелище. Конечно, это льстило моим стрелкам, и они еще больше подтягивались.

19 августа в штабе 12-й армии состоялось объединенное заседание старших чинов штаба с генералом Парским¹ во главе с представителями «Искосола»², т.е. исполнительного комитета солдатских депутатов.

На это собрание был приглашен и я, т.к. на меня предполагалось возложить задачу по охране предместного укрепления через З[ападную] Двину на левом берегу этой реки.

Представителей Искосола было очень много и, как я заметил, главным из них считался некий Войтинский³, одетый в черную кожаную куртку со встрепанными темными волосами, бритый мужчина лет под сорок.

В большой комнате штабе, ярко освещенной электричеством на длинном и широком столе лежали топографические карты различных масштабов с рельефным начертанием линий расположения сторон противников и их группировок.

Пред ними полукругом стояли присутствующие и слушали доклад начальника штаба генерала Посохова⁴, который представлял обстановку и вероятность планов действий сторон таким образом: на левом берегу Западной Двины немцы сосредоточили свои войска в двух группах: одну против Иксюля с большим количеством артиллерии, которая рано утром 19 авг[уста] начала форсировать Двину у Иксюля и занимать правый берег Зап[адной] Двины. Другую против линии Уст[ь]-Двинск – Московский форшта[д]т. По силе подвезенной сюда немецкой артиллерии атака в

¹ Парский Дмитрий Павлович (17.10.1866 (в «Списках Генерального штаба» указана дата рождения – 10.10.1866) – 20.12.1921) – генерал-лейтенант, командующий 12-й армией (с 20.07.1917).

² Искосол – Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов 12-й армии.

³ Войтинский Владимир Савельевич (12.11.1885 – 11.06.1960) – революционер, меньшевик, комиссар Временного правительства на Северном фронте.

⁴ Посохов Андрей Андреевич (05.10.1872 – 19.04.1931) – генерал-майор, и.д. начальника штаба 12-й армии (с 09.04.1917).

направлении на Уст[ь]-Двинский укрепленный район казалась неизбежной, тем более что пред Ригой по обе стороны митавского шоссе немцы имели солидно укрепленную позицию. Это была как бы завеса против наших активных действий, где, видимо, они предполагали только обороняться, пока у Иксюля и у Уст[ь]-Двинска они не достигнут успеха. Далее вполне очевидно было, что, действуя от Иксюля и Уст[ь]-Двинска в направлении на ст. Роденпойс, немецкое командование могло сомкнуть кольцо и захватить Ригу с войсками 12-й армии.

План генерала Парского сводился к тому¹, чтобы активными действиями воспрепятствовать противнику переправиться у Иксюля на правый берег З[ападной] Двины и не дать немцам овладеть Уст[ь]-Двинским укрепленным районом. Если бы немцы прорвались бы на правый берег З[ападной] Двины у Иксюля, то командующий 12-й армией предполагал ударом против оборонительной линии немцев на митавском шоссе выйти в тыл переправляющемуся противнику у Иксюля. Для этого ему нужен был сильный резерв. В его распоряжении в этот момент были 2-й Сибирский корпус и 1-я Латышская бригада. На последнюю ген. Парский рассчитывать не мог, т.к. она находилась в стадии полного разложения. По предложению начальника оперативного отделения Генерального штаба полковника Гонтарева² решено отвести в резерв командующего армией одну из дивизий 6-го Сибирского корпуса, занимавшего позицию в Уст[ь]-Двинском районе.

В заключение генерал Посохов добавил, что участь операции зависит от состояния духа войск, от того, будут ли они исполнять приказания начальников. Генерал Парский, обратившись к представителям Искосола, сказал, что он вполне надеется на дружное их содействие в поддержании дисциплины в войсках 12-й армии, в которой, к сожалению, были случаи убийства солдатами офицеров, в числе которых командир 14[-го] Сиб[ирского] стрелк[ового] полка полковник Чевнов³ был поднят стрелками на штыки за его вполне законные требования. Комичное зрелище представляли собой главный комиссар Войтинский и его коллеги по Искосолу. Все они, слушая доклад, глядели на военную карту, как бараны на воду, не умея даже читать ее и не понимая сущности военной операции, но Войтин-

¹ Далее зачеркнуто: сосредоточив против немецких позиций, расположенных у Митавского шоссе, возможно сильные резервы.

² Гонтарев Борис Викторович (18.08.1879 – 27.10.1977) – полковник, начальник оперативного отделения штаба 12-й армии, и.д. начальника этапно-хозяйственного отдела штаба 12-й армии (с 03.10.1917).

³ Махров неточен. Чевнов Константин Иванович (15.09.1872 – ?) – полковник, командир 14-го Сибирского стрелкового полка (11 – 12.1917). К.И. Чевнов не был жертвой солдатского самосуда, 12.12.1917 г. он сдал командование полком выборному командиру части.

ский с важностью высказывал свои нелепые пожелания и поправки. Другие, сделав «умные лица», одобрительно кивали головами по адресу Войтинского, который держал себя как главная персона на собрании, не сознавая своего убожества. Вся эта компания революционеров, поднявшаяся из ничтожества на высоты положения, о которых им и не снилось, казалась еще глупее и еще пошлее, чем они были в действительности.

Подобное объединенное собрание в доброе старое время могло бы иметь характер военного совета, после которого командующий армией сказал бы: «Приняв во внимание все мной слышанное, я решил следующее...» И тут бы был набросан приказ для исполнения. Но я из его уст услышал выражение уверенности, что 12[-я] армия выполнит свой долг и даст отпор нападению германских генералов и были вынесены следующие постановления: 1) меньшевики и большевики должны действовать общим фронтом против германских империалистов; 2) для сохранения спокойствия эвакуацию Риги не производить; 3) членов исполкома солдатских депутатов и представителей левого блока распределить по корпусам, причем им должно находиться в самых опасных местах; 4) перебросить к Икскюлю все свободные резервы и, перейдя в контратаку, отбросить немцев обратно на левый берег Зап[адной] Двины; 5) штабу армии оставаться в Риге.

13[-й] Сибирский стрелковый полк в бою

На рассвете 20 августа немцы перешли в наступление на всем фронте. Своей левофланговой группой с линии Шлок и Кальнцем они атаковали наш 6-й Сибирский корпус, прикрывавший Уст[ь]-Двинский плацдарм. Однако после некоторого замешательства сибиряки перешли в контратаку и восстановили положение на укрепленной позиции Майоренгоф – Бабер[б]ек. Хуже было положение наше под Икскюлем. Баварцы при содействии чрезвычайно сильной артиллерии с левого берега Западной Двины к полудню овладели правым берегом реки, заставив части нашего 21-го корпуса отойти к реке Малый Эгель. Сюда спешно с Митавских позиций для поддержки их были переброшены 3 полка 4-й Сибирской дивизии, т.к. 2-я Латышская бригада, совершенно разложившаяся, очутилась за рекой Большой Эгель. Рига обстреливалась тяжелой немецкой артиллерией. Командующий армией не имел возможности атаковать немцев на левом берегу Зап[адной] Двины в тыл у Икскюля и решил отвести все войска с левого берега Западной Двины на правый. Так как Двинский мост, укрепленную позицию пред которым предполагалось занять моим 13-м Сиб[ирским] полком, решено было взорвать, то мне было приказано присоединиться к своей дивизии, вступившей в бой на правом берегу З[ападной] Двины южнее деревни Шмизин.

Рано утром я выступил в указанном направлении. К 10 часам утра, следуя по лесной дороге к юго-востоку от Риги¹, голова колонны полка остановилась на полпути к Куртенгофу². В этом районе я должен был отбросить немцев, занявших наш правый берег З[ападной] Двины. Я приказал людям дать горячий обед, а сам приступил к разведке. Конные разведчики донесли мне, что правее нас ведет бой 15[-й] Сиб[ирский] стрелковый полк, а левее, в верстах двух – один из полков 110-й пех[отной] дивизии. Установить связь со штабом нашей дивизии еще не удалось. Кругом трещали пулеметы и ружейный огонь. Около 11 часов я дал указания начальнику нашей разведки, что мне нужно выяснить и скомандовал: «Разведчики, вперед!» Начальник команды, в свою очередь скомандовал: «Зарядить винтовки!» Щелкнули затворы. В этот момент все лица стрелков стали бледными, точно освещенные молнией. Начальник команды молодой поручик с немецким стальным шлемом³ на голове произвел распределение команды на группы и лихо с ними исчез в лесу в направлении к правому берегу Зап[адной] Двины.

Получив донесение от нач[альника] пешей разведческой команды, я выдвинул в район, не занятый нами, два батальона, а третий оставил в моем резерве. Сам же со штабом расположился на перекрестке двух лесных дорожек: одной, шедшей от Риги к Икскюлю, а другой – от Икскюля к Шмизину.

Возле меня находились и члены полкового комитета с полицейской командой под начальством поручика Максимова⁴. Вскоре закипел бой на фронте моего полка. Немцы обстреливали лес, где мы находились, тяжелой артиллерией. У меня, кроме траншейной артиллерии, полевой и мортирной, не говоря уже о тяжелой артиллерии, никакой не было. У штаба начали появляться раненые, которых мы отправляли далее на перевалочный пункт. Со стороны Икскюля в сторону Шмизина мимо нас брели толпы дезертиров 210[-й] пех[отной] дивизии и 2-й Латышской бригады. Все шли без винтовок, многие, сняв сапоги, чтобы облегчить бегство. Никакие усилия начальника моей полицейской команды, никакие убеждения депутатов вернуться им в полки, ни мои угрозы, что я прикажу их расстреливать, не имели успеха...

¹ Русские войска оставили Ригу 21 августа (3 сентября) 1917 г.

² См. 3-верстную (в дюйме) карту в приложении (примеч. П.С. Махрова). Не публикуется.

³ Наша армия в 1916 году была снабжена французскими легкими стальными светлосиними шлемами с двуглавым орлом впереди, но они плохо прикрывали голову сзади и были пробиваемы пулями. Немецкие же, более тяжелые, оказывали большое сопротивление пробиваемости и неизмеримо лучше укрывали не только голову, но и шею. Наши офицеры и солдаты предпочитали идти в бой в немецких шлемах, которых полк во время войны набрал в большом количестве (примеч. П.С. Махрова).

⁴ Возможно, Максимов Георгий Гаврилович – подпоручик 13-го Сибирского стрелкового полка. Ранен 31.08.1917 г.

При таких условиях я чувствовал, что мой левый фланг не обеспечен и для прикрытия его выдвинул одну роту с пулеметами. Смеркалось.

Разрывы тяжелых артиллерийских снарядов освещали лес то там, то сям; трещали ветви ломающихся деревьев, взлетали с корнями на воздух деревья и с треском падали вновь на землю. А впереди машинная музыка наших пулеметов аккомпанировала этой адской лесного боя симфонии. Жутко было на душе!

Стало светать, и бой стал еще более напряженным и так до вечера. Днем я получил приказание с наступлением темноты отводить полк на псковское шоссе. Оставив в арьберггарде один батальон с двумя пулеметными командами, около 7 часов вечера я стал сворачивать полк в колонну. Но едва полк вытянулся, как прорвавшиеся ударные группы немцев осыпали полк огнем пулеметов с опушки леса с юго-востока. Вмиг весь полк исчез с дороги, бросившись влево в лес, только вправо у канавы [и] полянки с вырубленным лесом я увидел 4-ю роту и пулеметную команду штабс-капитана Забудского¹, немедленно занявших позицию с биноклями в руках.

Я соскочил с лошади, передав коня моему конному ординарцу. В это время мимо меня, как безумный, пронесся верхом на лошади адъютант 16-го Сиб[ирского] стрелк[ового] полка].

Чтобы успокоить людей, я приказал горнисту играть «отбой» (сигнал: конец опасности). И он начал протяжно повторять: «та-та; та-та». Сам же я подошел к начальнику пулеметной команды штабс-капитану Забудскому, храбрейшему и хладнокровнейшему офицеру, имевшему репутацию замечательного офицера-пулеметчика. Вдруг мне показалось, что по поляне, держа ружья с примкнутыми штыками наперевес, в стальных шлемах наступают немцы на пулеметную команду. «Почему не открываете огонь? – обратился к Забудскому, – Они близко».

«Никого нет на поляне, они где-то в лесу», – спокойно ответил Забудский. «А я, – доложил ротный командир 4-й роты, – выслал разведчиков вперед».

Галлюцинация исчезла. Вместо ясно виденных немцев, я стал отличать корчи² срубленных деревьев...

Отход полка к псковскому шоссе

После сигнала «отбой» полк собрался на дороге, вытянувшись в колонну, и двинулся по лесной дороге к псковскому шоссе. Стало моросить, было темно. Немецкие тяжелые снаряды продолжали рваться в лесу. Их взрывы подгоняли двигаться скорее, но дороги на перекрестках закупоривались

¹ Забудский (Забуцкий) Яков Захарович – штабс-капитан 13-го Сибирского стрелкового полка. Кавалер Георгиевских крестов четырех степеней и Георгиевского креста с лавровой ветвью для офицеров.

² Так в тексте. Возможно, корни.

другими колоннами: артиллерии и обозов; их следовало пропускать вперед. Колонна двигалась медленно, шлепая по грязи. Раздавалась временами команда: «Принять вправо, пропустить артиллерию!» Мы сходили с дороги вправо, и тут же все люди, свалившись в грязь, засыпали мертвецким сном. Мне трудно было бороться со сном. На походе я спешивался, чтобы не заснуть в седле и, опираясь на повод лошади, маршировал в дремоте.

Когда колонна останавливалась по каким-либо причинам, и стрелки тут же сваливались в липкую грязь и засыпали, я делал невероятные усилия воли, чтобы не последовать их примеру. Однако после полуночи я не выдержал и по совету адъютанта, тоже едва державшегося на ногах, мы по очереди ложились на землю и дремали...

Стало светать, легче стало. Все подбодрились. Совершив ночной марш верст сорок, мы подошли к немецкому двору, стоявшему на большой живописной долине. Здесь мы должны были остановиться на большом привале, чтобы продолжить отход еще верст на сорок на Венденскую позицию. Здесь же был расположен и штаб дивизии, где я должен был представить полк начальнику дивизии. С неприятным чувством я выстраивал полк, так как знал, что мой арьберггард вынужден был бросить пулеметы двух команд и все бомбометы. Полк был выстроен к семи часам утра. Утро было тихое, теплое, ярко светило восходящее солнце. Обходя моих стрелков, я благодарил их за боевую службу. Они весело мне отвечали. Когда я подошел к пулеметчикам и команде траншейной артиллерии, к моему удивлению, я увидел все пулеметы и бомбометы полностью налицо.

Я спросил у начальников команд, откуда все это явилось, т.к. они были брошены. Ответ был, что они подобрали все это при отходе из числа брошенных разложившимися полками «Господа Иисуса Христа». Так офицеры называли второочередные полки¹. Я поблагодарил пулеметчиков и бомбометчиков и за доблестную боевую службу, и за заботу о сохранении материальной части.

Скоро подъехал автомобиль начальника дивизии. Когда он сошел с машины, я скомандовал: «Полк смирно! Господа офицеры!» Заиграл оркестр полковой марш, и я направился к генералу Иуону² с рапортом. Когда я остановился, чтобы ему отрапортовать, к моему недоумению, он перекрестился и обнял меня. «Господи, как я рад, как я рад, а мне сообщил адъютант 16-го полка, прискакавший по поручению своего командира по делам службы, что он своими глазами видел, как вы были убиты и свалились с лошади под пулеметным огнем, когда полк ваш начал отступление. Мы ведь об этом донесли в Ставку, что командир 13-го Сиб[ирского] пол-

¹ Второочередные полки – части, сформированные в период мобилизации в 1914 г.

² Иуон Николай Николаевич (13.12.1867 – ?) – генерал-майор, командующий 4-й Сибирской стрелковой дивизией.

ка полковник Махров пал смертью храбрых на поле сражения. Ну это, говорят, хорошая примета: будете долго жить», – продолжал он, крепко пожимая мне руку.

Я отрапортовал ему, что полк потерял убитыми и ранеными около 300 человек и отошел в порядке.

Начальник дивизии обошел каждый батальон и каждую команду, благодаря людей за боевую службу, на что стрелки дружно отвечали: «Рады стараться, господин генерал!»

Остановившись у команд пулеметчиков и траншейной команды, он воскликнул: «Да вы сохранили всю материальную часть. Слава вам, пулеметчики! Спасибо вам! Ведь это только ваш один полк не растерял ни пулеметов, ни бомбометов. В других и половины не осталось!» Грешным делом, я промолчал, не сказав, что и мои тоже ушли из боя не обремененными этим драгоценным оружием, но потом в изобилии собрали брошенное разложившимися полками.

Начальник дивизии уехал. Стрелки начали есть горячие щи и кашу. Я зашел в домик немца-фермера, где мой денщик ждал меня с горячими щами, яичницей и чаем. Только я присел, чтобы приняться за еду, как раздался страшный пулеметный и ружейный огонь. Я быстро выскочил из избы. Над расположением полка летело несколько немецких аэропланов. По ним то и был открыт огонь. Немецкие летчики не бросили ни одной бомбы. Очевидно, это были разведчики преследовавшего нас противника. Скоро они исчезли, и полк принялся продолжать свою еду.

Отдых наш был непродолжительный – минут сорок пять. Я получил приказ следовать дальше в район Вилькен¹. Предстоял марш свыше сорока верст. Погода стояла хорошая, свежая. Идти было не очень тяжело. Кроме маленьких пятнадцатиминутных привалов, через час я сделал большой привал, пройдя полпути, где люди перекусили мясными консервами.

На всем шоссе мы видели брошенные склады Красного креста. Чего только там не было: и всевозможные консервные банки, и сгущенное молоко, и сухие овощи, и белье и пр[очее].

Стрелки спросили моего разрешения все брошенное подбирать. Конечно, я им разрешил. Они выбрасывали из своих мешков всякий свой хлам и наполняли их этим сказочным богатством. После большого привала путь шел в гору. Люди устали страшно. Ведь это после двухдневных боев шел четвертый день без сна.

Темнело, когда полк подошел к месту назначения в район Вилькена и маленькой железнодорожной станции узкоколейного подъездного пути к Вольмару². Станция была уже эвакуирована. Я со штабом расположился в

¹ Ныне – Вилькене в Латвии.

² Ныне – город Валмиера в Латвии.

двух маленьких комнатках покинутой станции, а полк стал бивуаком южнее в километре в лесу на горке. Немедленно разувшись и сняв шинель, я продиктовал адъютанту донесение о боевых действиях полка и приказал отправить начальнику дивизии. Вскоре мой заботливый денщик подал мне ужин из разогретых консервов, которые он подобрал на походе в покинутых складах и жареного картофеля, выкопанного на соседнем огороде. Все это мне казалось чрезвычайно вкусным. Наконец, я выпил чаю с консервированным сгущенным молоком, тоже подобранным на пути из брошенных складов Красного креста. Затем, одевшись, отправился в лесок, чтобы посмотреть, как там устроился полк. Всюду в лесу среди палаток горели маленькие костры, и люди грели себе тоже консервы и варили тоже картофель и распивали чай, благо Красный крест покинул и сахар в достаточном количестве. Дежурный офицер мне показал, куда были выдвинуты заставы для охраны полка, что было поручено мной старшему штаб-офицеру.

Было около 10 часов вечера, когда я возвратился к себе в штаб полка, где я и набросал приказ по полку на следующий день. Затем я разделся и свалился в теплую кровать, у изголовья которой стояло знамя. Немедленно я заснул и беспробудно спал до 6 часов вечера следующего дня. Спали так же сладко и стрелки в палатках, кроме несущих службу охраны, которых сменяли часто.

Мой полк был в резерве командира нашего 2-го Сиб[ирского] стр[елкового]¹ корпуса. Им в данное время командовал генерал-лейтенант Василий Федорович Новицкий², известный еще в мирное время, как один из талантливейших и образованнейших офицеров Генерального штаба. На него возлагались очень ответственные служебные поручения, особенно в командировках в Индию. Он был блестящим лектором, но ему не давали профессорской кафедры за его «левизну убеждений» и за его манеру держать себя независимо, без всяких компромиссов в его взглядах на научные военные вопросы. На войне он зарекомендовал себя отличным военным начальником и сделал большую карьеру. Ему было только 50 лет, когда он стал во главе корпуса. Он был маленького роста, коренастый, темный шатен с маленькими умными глазами, которые сверкали огоньками, когда он отдавал приказание, причем сам он всегда был спокоен и хладнокровен.

Неожиданное назначение командира 13[-го] Сиб[ирского] полка начальником этапно-хозяйственной части 12-й армии и прощание с полком

27 августа я был вызван в штаб 2-го Сиб[ирского] корпуса. Совершенно неожиданно для меня ген. Новицкий сообщил мне, что ген. Парский

¹ Правильно – армейского.

² Новицкий Василий Федорович (18.03.1869 – 15.01.1929) – генерал-лейтенант, командир II Сибирского армейского корпуса (с 17.07.1917).

предлагает мне занять генеральскую должность – начальника этапно-хозяйственной части 12-й армии и спрашивает моего согласия.

Я согласился. Генерал Новицкий расспросил меня о состоянии полка и о том, кого я намечаю моим заместителем. Я ему назвал подполковника Недорезова¹, которого я знал, как очень толкового, энергичного и опытного в боях штаб-офицера. Начальником штаба у Новицкого оказался мой родной брат Николай Семенович², уже откомандовавший одним из пехотных полков, имевший боевой опыт и слывший отличным офицером Генерального штаба. Он одобрил принятое мной решение. Здесь я видел его в последний раз в моей жизни³...

29 августа я был назначен на новую должность (приказ 4[-й] Сиб[ирской] дивизии 29 авг[уста] 1917 г. № 1372). В этот же день я назначил комиссию для принятия полка 30 августа рано утром я приказал выстроить полк в укрытом месте, в лесу на полянке недалеко от штаба полка и, подъехав к полку верхом, обратился с короткой речью к стрелкам, подчеркнув, что новому назначению меня на генеральскую должность я во многом обязан г.г.⁴ офицерам и солдатам моего полка, которые своей доблестью и отличной службой «нашей свободной Родине» помогли мне выполнять все возложенные на меня задачи. Затем я сказал, что хотел бы каждого из них обнять по-братски, но за всех я вызываю вперед офицеров и стрелков – георгиевских кавалеров вперед к знамени. Спешившись, я подошел к знамени и поцеловал его, а потом обнял каждого из офицеров и стрелков – георгиевских кавалеров. Кто-то приказал играть полковой марш, раздались крики «Ура!»...

Я сел верхом и уехал к себе в штаб, а подполковник Недорезов отвел полк на бивак.

Отдав приказ о благодарности полку за службу, в том же духе, как я простился с полком и назначив моим заместителем подполковника Недорезова, я по приглашению офицеров штаба моего полка позавтракал с ними и, сердечно простившись со всеми, сел в присланный мне автомобиль и направился в Валк, где стоял штаб 12-й армии.

¹ Недорезов Константин Гаврилович (07.04.1879 – ?) – подполковник 13-го Сибирского стрелкового полка.

² Махров Николай Семенович (28.12.1877 – 1936) – полковник (впоследствии – генерал-майор), начальник штаба II Сибирского армейского корпуса (с 04.06.1917).

³ После октябрьской революции он был мобилизован в Красную армию, а в 1936 году, занимая должность начальника дивизии, после убийства Кирова он ни за что, ни про что был расстрелян Сталиным в числе 100 человек, неповинных, как и он (примеч. П.С. Махрова). Эти сведения не соответствуют действительности. На самом деле Н.С. Махров умер в СССР своей смертью.

⁴ Господам.

По дороге я заехал проститься к заведующему хозяйством полка, который поджидал меня тоже с завтраком. Я задержался с полчаса у него с его симпатичными чиновниками, из которых я очень любил заведующего оружием коллежского секретаря Демина, подписал кой-какие бумаги, попросил заведующего хозяйством отправить мой багаж с денщиком моим и мою верховую лошадь в Валк и отправился в машине к месту моей новой службы.

Мне больно было расставаться с полком и моими офицерами, с которыми я сжился и которых полюбил, но при мысли, что мне не нужно будет вечно быть начеку, постоянно с натянутыми нервами, слушать всякий вздор депутатов на митингах и изыскивать способы, как их парировать, в душе я был рад.

И рад был я, что мне удалось сохранить в полку дисциплину и порядок и не допустить кровавых эксцессов, которые могли случиться, как и в других полках.

Начальник 4[-й] Сиб[ирской] дивизии в аттестации, данной обо мне, с которой согласился командир 2-го Сибирского корпуса, так оценивал меня и удостоверял сохранение мною моего полка вполне боеспособным до последнего дня моего командования: «К службе относится в высшей степени усердно. Умеет руководить, воспитывать и обучать свои части. Тактическая, техническая и научная подготовка хороши очень. Свое дело исполняет разумно и безбоязненно. К подчиненным относится вполне дружелюбно и ими весьма уважаем. Дисциплинирован и тактичен. Требователен и настойчив. Службу Генерального штаба знает отлично и имеет боевой опыт. В боях с полком еще не был, но на боевых позициях с полком стоял и службу сумел поставить образцово. Физически здоров вполне. Умственно развит отлично. Нравственные качества отличные. Вполне заслуживает назначения на высшие должности по Генеральному штабу, а именно: генерал квартирмейстера, начальника штаба корпуса или соответствующие должности».

Ком[андир] див[изии] 4[-й] Сиб[ирской] ген[ерал-]майор Иуон
12.VII – 1917. Д[ействующая] арм[ия]

«В период отступления от Риги, командуя полком в весьма тяжелых условиях, полковник Махров выказал спокойствие, распорядительность, находчивость в поддержании связи, сохранив полк и в материальном, и в моральном отношении вполне боеспособным, что полк и доказал в последовавших затем авангардных боях конца августа и начала сентября.

21/IX 1917, вр[еменно] командующий 4[-й] Сиб[ирской] стр[елковой] дивизией

Д[ействующая] арм[ия]

ген[ерал-]майор Соколов¹
 С аттестацией согласен
 Командир 2го Сиб[ирского] к[орпуса] генерал-лейт[енант] Новицкий²
 25/IX 1917»

В должности начальника этапно-хозяйственного отдела

Около 3-х часов дня я приехал в Валк, где стоял штаб 12-й армии. Валк после Риги мне показался маленьким городком с неизменной, как во всех провинциальных городах булыжной площадью в центре, магазинами и лавками по сторонам. Однако его нельзя было назвать захолустным. Дома были каменные, и многие в два и три этажа. Несмотря на близость к фронту, он был чист, и жизнь шла своим мирным путем, без шума, суеты и движений. Я отправился в штаб представиться начальнику штаба генералу Посохову. Он меня встретил со свойственной ему приветливостью и сказал, что начальник этапно-хозяйственного отдела генерал Балтийский³ потерял всякое терпение в сотрудничестве с армейским солдатским комитетом и всевозможными «товарищами» и подал рапорт о болезни. Генерал же Парский избрал меня заместителем Балтийского и приказал прикомандировать меня к штабу 12-й армии⁴. Генерал Посохов выразил уверенность, что я окажусь счастливее Балтийского и предложил немедленно приступить к принятию должности.

Управление начальника этапно-хозяйственного отдела – НЭХО, как сокращенно оно называлось, помещалось рядом со штабом армии в небольшом двухэтажном доме, принадлежавшем зажиточной некогда немке, вдове коммерсанта. Она уступила весь дом под управление НЭХО и жила в одной комнате с кухней, вполне довольная, что она была защищена от вторжения к ней хамов-товарищей и что в это тяжелое время с продовольствием ей кой-что перепало от интендантства.

Я поместился в самом управлении НЭХО в довольно уютной комнате и ждал прибытия моего денщика с походной кроватью и багажом. Он явился только к вечеру, очень сконфуженный и растерянный, доложил мне, что привез только мою складную, походную кровать, в ногах которой

¹ Соколов Николай Михайлович (06.12.1872 – ?) – генерал-майор. Временно командующий 4-й Сибирской стрелковой дивизией. Командующий той же дивизией (с 22.10.1917).

² См. Аттестация за 1917 г. Полк[овник] Махров. Командир 13го Сиб[ирского] стр[елкового] полка с 27 января 1917 года (примеч. П.С. Махрова). Не публикуется.

³ Балтийский (Андреев) Александр Алексеевич (18.06.1870 – 07.03.1939) – генерал-майор, начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 12-й армии (15.02 – 03.10.1917).

⁴ Приказ штабу 12-й армии от 1 сент[ября] 1917 г. № 459[;] приказ XII армии 7 сент[ября] 1917 г. № 846 (примеч. П.С. Махрова).

находился небольшой ящик, в котором помещалась подушка и некоторые вещи, в [их] числе и образ Христа Спасителя, которым меня благословили мои писаря штаба 62-й дивизии в августе 1914 [г.].

Я этот образ всегда возил с собой в период войны, как дорогую для меня святыню. Весь остальной мой багаж, бурка, туалетные принадлежности, запасные сапоги, белье и пр[очее] был унесен из двуколки, когда денщик на короткое время зашел в канцелярию заведующего хозяйством.

Украл, конечно, «свободные граждане-солдаты» из моих обозных, освободив меня от буржуазных вещей...

Пока денщик устраивал кровать, я вышел в город, чтобы купить бритву, мыло и другие необходимые предметы. Я очень был рад, что мне была оставлена икона Христа Спасителя, которую я и храню у себя, когда пишу эти строки. О других пропавших вещах я жалел только потому, что я привык к ним, как к неодушевленным спутникам моей военно-походной жизни. Но на душе у меня осталась горечь осадка, что это воровство было дело[м] солдат моего полка... Впрочем, мое командование полком для меня прошло сравнительно столь благополучно, что я подумал, надо же испытать и огорчение хотя бы в этой мелочи...

Утром 1 сентября я зашел к ген. Балтийскому, чтобы принять от него должность. Балтийский был мой товарищ по академии Генерального штаба, но двумя годами старше по выпуску¹. Я его знал, т.к. он был близок к моему брату Николаю Семеновичу и в академии мы часто встречались. Он был офицер Лейб-гв[ардии] Литовского полка². Среднего роста, хорошо сложенный, с красивым, розовым лицом, с белобрысыми волосами и такой же бородкой. Всегда веселый, общительный и живой, в академии он считался способным офицером и не лишенным оригинальности мысли. По окончании академии он был выпущен на службу в Генеральный штаб и вскоре прикомандировался к флоту, чтобы ознакомиться с морским делом, а потом, в 1907 году поступил в Морскую академию Генерального штаба, каковую и окончил блестяще³.

Во время войны я с ним встретился теперь в первый раз. Он мало изменился, был такой [же] подвижный, живой, говорил с некоторой горячностью. Ему душно было в атмосфере этапов, интендантства и хозяйства тыла. Он не мог выносить безобразий «товарищей депутатов», жадно тянувших свои лапы к интендантским мешкам.

¹ Махров неточен. А.А. Балтийский окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1903 г., а П.С. Махров – в 1907 г.

² Махров неточен. На самом деле А.А. Балтийский служил в Лейб-гвардии Кексгольмском полку.

³ А.А. Балтийский окончил 2-годичный курс Николаевской Морской академии в 1908 г.

Наконец, будучи монархистом, ему чужд был режим керенщины, разваливавший Россию. И вот он решил покинуть фронт и уехать, куда глаза глядят.

Он аттестовал всех своих сотрудников, как отличных офицеров, прекрасно знающих свое дело, с которыми можно спать спокойно, назвал председателя и весь армейский комитет сволочью. Этим сдача мне должности и окончилась.

Когда мы закончили разговор, к Балтийскому вошли три моряка в новой революционной форме, т.е. без погон, с красными бантами и галунами на рукавах. Они приехали из Пернова, чтобы повидаться со своим старым соплавателем. «Флот да не тот!» – распотянув руки, воскликнул Балтийский. Началась беседа о флоте, т.к. у меня было соприкосновение с флотом по моей предыдущей службе в Морской крепости Петра I¹.

Офицеры-моряки жаловались на их тяжелое положение; комитеты, как и в армии, отравляли жизнь своим вмешательством в службу на миноносцах, но на миноносцах и вообще маленьких судах еще была благодать, т.к. матросы к офицерам относились хорошо, но на больших кораблях уже царил развал, безобразие, были случаи убийства начальников, выбрасывание офицеров за борт и пр[очее].

С первого сентября началась моя служба в НЭХО. Область этой деятельности мне была известна, т.к. еще до войны я работал в управлении начальника военных сообщений в штабе Виленского военного округа². В ведение начальника военных сообщений входила и этапная часть.

Мои новые сослуживцы: начальник артиллерийской и инженерной части, действительно, как мне их рекомендовал Балтийский, оказались очень симпатичными и знающими людьми. Интендантом же 12-й армии был назначен интендант 4[-й] Сиб[ирской] стр[елковой] дивизии Андрей Николаевич Светозаров³, которого я хорошо знал не только, как выдающегося интенданта, но как человека в высшей степени тактичного, осторожного и, самое главное, умевшего уживаться с солдатским комитетом.

Склады были полны всевозможными продуктами и предметами снабжения, но доставка их вызывала беспокойство, т.к. в это время железные дороги работали с перебоями, транспорт автомобильный был слаб, да и пути в прифронтовой полосе не отвечали своему назначению. Приходилось местами в болотистой местности строить бревенчатые дороги. По-

¹ Морская крепость императора Петра Великого – название укрепленного района в Финском заливе неподалеку от Ревеля в 1910 – 1917 гг. П.С. Махров был помощником начальника штаба управления крепости по сухопутному фронту (31.08.1916 – 27.01.1917).

² В штабе Виленского военного округа П.С. Махров служил помощником старшего адъютанта (26.12.1909 – 03.04.1912).

³ Светозаров Андрей Николаевич (22.10.1876 – 07.07.1963) – полковник, интендант 4-й Сибирской стрелковой дивизии. А.Н. Светозаров был женат на сестре Махрова Надежде Семеновне (31.07.1881 – 29.11.1963).

следние стоили очень дорого, работа подвигалась медленно, т.к. рабочие команды в это время уже потеряли дисциплину. Был поднят вопрос об создании гужевого транспорта...

Моя новая деятельность и условия, при которых мне пришлось работать, были прямой противоположностью боевой службе на фронте. Там мне приходилось и обучать, и воспитывать солдат, имея всегда перед собой противника. Там с утра и до вечера нужно было посещать фронт, руководить разведкой, охранением и боем, а, находясь в резерве, измышлять меры, как сохранить дисциплину и порядок в полку... Там жизнь была полна беспокойством во всех отношениях, полна постоянной тревогой... Здесь же служба имела характер почти мирного времени, вне опасности. Все заботы вызывались не неприятелем на фронте, а глубоким тылом, который разваливался. Еще склады были богаты всяким добром, но доставка его хромала. Такой резкий переход от одной деятельности вечного напряжения всех сил к более спокойной произвел во мне реакцию. Я почувствовал, что я стал не тот, каким был, не стало энергии, не мог спать по ночам, наступило какое-то безразличие ко всему. Физически я был здоров, но руки мои стали дрожать, как у старика, а мне было только 40 лет. Я решил посоветоваться с врачами. Они осмотрели меня и нашли, что я страдаю неврастенией и что я подлежу эвакуации для лечения в продолжении не менее двух месяцев¹.

Все же я решил побороть себя и продолжать службу.

7 сентября состоялся приказ по 12-й армии о назначении меня начальником этапно-хозяйственного отдела штаба армии², и ген. Балтийский уехал в Москву, желая раз и навсегда покончить с керенщиной и солдатскими депутатами.

Однако, как я узнал позднее, он попал из огня да в полымя. Он очутился в октябре на военной службе у большевиков³.

¹ См. свидетельство врачебной комиссии 8.9.1917 г. № 17462, утвержденное нач[альником] штаба 12-й арм[ии] ген. Посоховым (примеч. П.С. Махрова). Не публикуется.

² См. приказы 12[-й] армии от 7 сент[ября] № 471 и № 846 (примеч. П.С. Махрова). Не публикуются.

³ А.А. Балтийский с 03.10.1917 г. состоял в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа, а с 17.12.1917 г. и до демобилизации – в распоряжении военного министра. Балтийский ездил в командировку в Румынию по вопросу сокращения тыловых учреждений Румынского фронта (10 – 11.1917), состоял для особых поручений в Главном управлении Генерального штаба. Сотрудничать с большевиками он начал уже в декабре 1917 г., когда получил назначение помощником начальника Генерального штаба (с 19.12.1917). По собственному признанию работал по заданиям комиссаров Н.И. Подвойского и Э.М. Скланского, а в январе 1918 г. выступал с докладом о возможных действиях германских войск в отношении Петрограда перед председателем СНК В.И. Лениным (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 37. Л. 45).

Мне неизвестны ни побуждения этого монархиста, ни условия обстановки, при которой он начал служить у коммунистов, ни его дальнейшей судьбы¹...

Вскоре мне пришлось познакомиться с председателем солдатского комитета младшим фейерверкером одной из артиллерийских бригад Ромом. О нем от других лиц я слышал много хорошего.

Он всегда защищал офицеров от разнузданных солдат и стремился сохранить в частях дисциплину и порядок. Он был хороший оратор и пользовался большим авторитетом среди солдат.

Ром зашел ко мне в первых числах сентября. Высокий, хорошо сложенный с красивым лицом, темный шатен, чисто выбритый, с маленькими усиками и умными глазами, он производил впечатление человека интеллигентного и благовоспитанного. Держал себя корректно, как хороший солдат. Он обратился ко мне с просьбой, чтобы я назначил экзаменационную комиссию для испытания его на право быть произведенным в военные чиновники, что я и удовлетворил. Он экзамен выдержал блестяще, выявив большие познания в области администрирования познаний², делопроизводства и пр[очего]. Через несколько дней он был произведен в чиновники. Когда я спросил председателя комиссий, зачем ему нужно это было, он ответил, что Керенский назначил Рома каким-то комиссаром в один из больших городов Сибири. Став чиновником, он мог получить прогонные деньги за эту командировку, а иначе только бесплатный проезд и суточные деньги, как солдаты...

Многие говорили мне, что Ром был еврей, но я в его внешности, в его манерах, в его чистой русской речи этого не заметил. Впрочем, не в том дело, важно, что приходилось встречаться с другим евреем: Евгением Роговским³, который при Керенском был петроградским градоначальником, и я вспоминаю о нем, как о личности, заслуживавшей самого глубокого уважения.

5 сентября ко мне приехал мой бывший полковой адъютант, поручик Левис-оф-Менар⁴. Он привез мне на подпись наградные листы за последние бои под моим командованием и листы Георгиевской солдатской Думы на мое утверждение.

Надо отметить, что при Временном правительстве был установлен статут, по которому Дума из солдат-георгиевских кавалеров могла награждать

¹ А.А. Балтийский был расстрелян в СССР по ложному обвинению в период Большого террора.

² Так в тексте.

³ Роговский Евгений Францевич (07.07.1888 – 01.03.1950) – эсер, комиссар Временного правительства над Управлением бывшего Петроградского градоначальства (1917).

⁴ Левиз-оф-Менар Евгений Николаевич – поручик 13-го Сибирского стрелкового полка. Служил в Вооруженных силах на Юге России. Попал в плен. В РККА (на 1921).

дать и офицеров, и солдат георгиевским серебряным крестом, который в отличие от «старорежимного» был украшен золотой лавровой веткой¹. Однако солдаты выше ценили царский солдатский георгиевский крест, который, как они выражались, был «без метлы», т.е. без лавровой ветки.

Поручик Левис-оф-Менар привез мне и печальные вести. В последовавших сентябрьских боях мой бывший полк под командой подполковника Недорезова, доблестно сражался, понес большие потери, в том числе было убито и несколько офицеров, которых я очень любил...

Во время этих боев, где сибиряки сражались, как львы, на левом фланге, на участке 21[-го] корпуса, по словам моего бывшего адъютанта, солдаты не исполнили приказа своего начальства идти в атаку. Пошли только офицеры со своими денщиками и вестовыми, старые фельдфебеля и часть унтер-офицеров. Немцы подняли белый флаг, подобрали трупы погибших и с военными почестями под звуки похоронной музыки их похоронили... К сожалению, неизвестно было, какое впечатление произвел этот факт на «товарищей свободных граждан-солдат...» Но сибиряки были глубоко тронуты жестом немцев и с презрением говорили об мятежниках.

Покончив наши дела с Левис-оф-Менаром, я просил его передать мой привет всем офицерам полка и простился с ним, крепко его обняв. Больше мне с ним не пришлось в жизни встретиться. Я очень его любил. Таких офицеров, как он, я почти никогда не встречал. В нем заключалась и чуткая душа, и большой, трезвый ум, и хорошее военное образование, и доблесть, и трудоспособность, и такт. Он облегчал мою работу, щадя меня, когда я, измученный и усталый, сваливался с ног и засыпал мертвым сном. Он всю работу штаба вел от моего имени, как может вести только отличный офицер Генерального штаба... И я часто, часто вспоминал и вспоминаю о нем. Где он, мой милый Евгений Николаевич, где мой дорогой сослуживец наших тяжких переживаний и боевой страды?

Когда я пишу эти строки, я вспоминаю всех моих офицеров 13[-го] Сиб[ирского] стр[елкового] полка. Фамилии многих изгладились в моей памяти, но образы их живы. Какие хорошие были офицеры! Преданные долгу служения Родины, воспитанные традициями полка в понятии о чести, ни один из них не омрачил дней моего командования полком. Где они, где? Я часто вспоминаю о них. За их верное служение России Временное правительство Керенского им «плюнуло в душу», как с надрывом воскликнул ген. Деникин на офицерском съезде в Могилеве². А потом? По-

¹ Махров неточен. Серебряная лавровая ветвь на ленте солдатских Георгиевских крестов была утверждена 19.08.1917 г. и использовалась только в награждениях офицерского состава.

² Имеется в виду выступление генерала А.И. Деникина на закрытии офицерского съезда в Могилеве 22.05.1917 г. Напрямую о правительстве генерал не высказался, а скорее

том: рассеяние по земле русской... муки ада служить в Красной армии под командой ненавистника России, мерзавца-жида Лейбы «Троцкого»¹, а для многих Голгофа...

Я скоро вошел в курс дела моей новой службы, которая пошла гладко. Мне не нужно было делать каких-либо усилий, напряжений, т.к. мои помощники были на высоте своего положения. Тем не менее, я чувствовал себя плохо. Особенно меня мучила бессонница, а когда я засыпал, меня душили кошмары. То я видел во сне, что солдаты не исполняют моих приказаний и поднимают на штыки кого-либо из моих офицеров, то митинги звероподобных солдат, злобно на меня глядящих... и все в таком духе. Встав утром, я опять сваливался на кровать и, заложив руки за голову, часами лежал, не имея желания ни о чем ни думать, ничего не делать... И опять, взяв себя в руки, я шел в мое управление. Наконец в середине сентября я решил, что надо уехать в отпуск и отдохнуть, как мне советовали врачи².

Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета. P.S. Makhrov Collection. Box 4. Тетради 3 – 4. С. 281 – 318. Автограф.

обвинял революционеров, действия которых спровоцировали преследования офицерства. Он тогда заявил: «Я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции свершили свое Каиново дело над офицерским корпусом... я имею право бросить им:

Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником...

Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни.

Берегите офицера!» (Деникин А.И. На страже русской государственности: Избранные статьи, речи, письма / сост. А.С. Кручинин. М., 2014. С. 102). Эта речь была растиражирована типографским способом в виде листовок.

¹ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (26.10.1879 – 21.08.1940) – российский революционер, председатель Революционного военного совета республики (6.09.1918 – 26.01.1925).

² См. продолжение: Ганин А.В. «Фронт представлял из себя взбаламученное море солдатской массы...» Воспоминания генерала П.С. Махрова о Юго-Западном фронте в сентябре – декабре 1917 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2 (29). С. 142 – 232.